

Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына арналған «Сейфуллин оқулары – 17: «Қазіргі аграрлық ғылым: цифрлық трансформация» атты халықаралық ғылыми – тәжірибелік конференцияға материалдар = Материалы международной научно – теоретической конференции «Сейфуллинские чтения – 17: «Современная аграрная наука: цифровая трансформация», посвященной 30 – летию Независимости Республики Казахстан.- 2021.- Т.2, Ч.2 - С. 24-28

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ-БИЛИНГВОВ

*Валиханова Ж., студентка I курса
НАО «КАТУ
им.С.Сейфуллина»
г. Нур-Султан*

Система отношений делит множество «люди» на два вида – «мужчины» и «женщины». Гендер, безусловно, принимает участие в создании картины мира в целом и упорядочивает организацию социальных отношений не только между полами, но и между другими социальными группами (нациями, классами, культурами), а также между человечеством и природой. В поле гендерного дискурса коллективной идентичности входят стереотипные суждения о гендерном порядке своих и чужих, об идеалах мужественности и женственности, отношениях между полами, о положении женщины, особенностях сексуального поведения [1]. Национальная картина мира, опираясь на определенные стереотипы поведения, традиции, обычаи, создает образы другого / другой.

Говоря о принципе бинарных оппозиций, О.В. Шабурова замечает, что «оппозиция мужского/женского оказывается основополагающей, она становится универсальным классификатором всех остальных оппозитивов. «Мужское» отождествляется с духом, логосом, культурой, активностью, силой, рациональностью, светом, наполненностью, формой и т.д. «Женское» - с материей, хаосом, природой, пассивностью, слабостью, эмоциональностью, тьмой, пустотой, бесформенностью. Эти ряды предстают не только как дихотомия, но и как иерархия. Отношение мужчины к женщине, соответственно, амбивалентно: он ищет в женщине Другого как природу и как себе подобного» [2].

Язык закрепляет этнически специфический взгляд на женщину. Казахский народ вплоть до первой четверти XX века вел кочевой образ жизни, сформировавший определенную самобытную культуру, жизненный уклад, традиции, стереотипы поведения. Можно говорить об особой роли женщины в традиционной казахской семье. А. Сейдимбек пишет: «Женщина из поколения в поколения была хранительницей народной культуры, переходящей от нее к детям: сидя у колыбели ребенка, она воспитывала его на драгоценных заветах народной мудрости, передавая на чувственном уровне своему дитя самое полезное и необходимое в жизни. Такого влияния

на детей, которое оказывает мать, не может иметь ни силач-муж, ни ханские указы, ни копые батыра» [3: 511].

На материале произведений казахских писателей-билингвов А.Алимжанова и С.Санбаева рассмотрим образ женщины. Образ женщины в текстах многослоен. С раннего детства в женщине воспитывались такие черты характера, как, сдержанность, стеснительность, степенность, терпеливость, трудолюбие. Воспитывались социально ориентированные стереотипы женского поведения, которые внедряются в текст с помощью речевой линейной образно-оценочной практики толерантности: Нелюдимая, молчаливая девочка с утра до вечера копошилась у огня возле юрты: готовила курт, выхаживала больных ягнят, пряла шерсть. Она заходила в юрту лишь для того, чтобы дать Анашу чашку айрана или кумысу. На ней было длинное, почти до пят, старое платье, на ногах – изношенные мужские ботинки. В ее косы было вплетено несколько серебряных монет. Анаш ни разу не видел Акжунус веселой. В ее взгляде он всегда замечал какую-то глубокую печаль и покорность (Алимжанов. Синие горы: 123). В контексте портретное описание девочки, детали национальной одежды передаются на базе русских слов, способствующих формированию типового впечатления об образе казахской девочки. Однородный ряд оценочных эпитетов нелюдимая, молчаливая формирует стереотип типового образного восприятия. Данная линейная практика толерантности[4] соединяется с употреблением в тексте глагольных форм пряла, шила, выхаживала, обозначающих деятельность. Включение слова покорность из общекультурного поля толерантность способствует формированию типового образа.

Формирование стереотипного портрета казахской девушки погружается в универсальную оппозицию сословных отношений: дочь бедняка – дочь главного визиря, байская дочь. Социальная принадлежность женщины к тому или иному сословию (кругу) обуславливает не только определенные варианты стереотипов поведения, но и возможность их нарушения. В тексте устанавливается связь между спецификой социальных отношений и типом стереотипного поведения женщины: - Не пристало дочери главного визиря наместника, потеть у огня, уподобляясь служанке, и подвергать себя риску быть осмеянной.– (Алимжанов. Возвращение Учителя: 13); В Сание раньше никогда не появлялось чувство подавленности и покорности, которые присущи женщинам ее положения. Ведь она не байская дочь и не дочь султана. Но и отец и мать, и весь аул воспитали ее так, что она росла баловницей, свободной и вольной (Алимжанов. Гонец: 338). Оценочные эпитеты свободная, вольная нарушают сложившийся стереотип образного восприятия казахской девушки.

Существуют национально специфические стереотипы невербального поведения, связанные с поведением женщины. Они обусловлены укладом жизни, положением женщины в обществе. Система запретов, воспроизведенных в билингвистическом художественном тексте, вскрывает подчиненное положение женщины: Сание как женщине не пристало появляться у ханского шатра среди батыров (Алимжанов. Гонец: 386); Он

(воин) не знал, что при сватах девушке не положено выходить из дома (Санбаев. Другая жизнь: 149); Из центральной палатки вышли двое. – Страшно здесь, - произнес один из них. Старик не поверил своим ушам. Ветерок ясно донес слова. Это был женский голос. – Тс-с-с. Они еще не спят, - сказала другая. Раздался тихий девичий смех. – Астапыралла! – беззвучно произнесли губы Карасункара. – Женщина у кургана мертвых, ночью (Алимжанов. Мост Карасункара: 216). В данных примерах отражаются следующие запреты, накладывающие отпечаток на невербальное поведение женщин: «женщина не должна присутствовать при разговоре мужчин»; «невеста не должна видеть своих будущих родственников»; «женщине запрещено появляться на могиле».

Стереотипный для обеих культур смысл «женщина – надежная спутница, опора семьи» в тексте является опорным: В Макате считали: дом Турлыжана прочен, он держится на сильных и энергичных парнях, которых не так-то легко обидеть в жизни. Четвертым столпом их мира предстояло стать невесткам (Санбаев. Смерч: 339). Использование метафоры четвертый столп мира способствует частичному стиранию граней между оппозицией мужское – женское. Женщина, как и мужчина, является опорой семейного очага. Однако времена изменились, изменились и люди. Изменился мир женщины, некогда ограниченный домом, семьей: Раньше джигиты, говорил Мырзагали, умели выбирать себе подруг жизни, и жены их не представляли себе другого мира, кроме дома, в который они вошли навсегда. Все изменилось, людям глаза словно пеленой застлало, забыли про землю, махнули рукой на добрые обычаи (Санбаев. Смерч: 340). Темпоральные сигналы раньше – теперь свидетельствуют о мене стереотипов. Словосочетания все изменилось, забыли про землю, устойчивый фразеологизм махнули рукой косвенно указывают на уход от прежних традиций.

Гендерная оппозиция накладывается на оппозицию старый – молодой. Носители старых стереотипов – старые люди, новых стереотипов – молодые. Возрастная оппозиция обостряет гендерные культурные установки: Сыновья не удивились, когда родители сказали, что им хватает пенсии и они не хотят обременять детей. На самом деле старые люди сомневались в том, что найдут с будущими невестками общий язык (Санбаев. Смерч: 338). Социально-ролевые стереотипы поведения, как видно из контекста, меняются.

Традиционный уклад жизни казахов, семейные отношения характеризовались развитым институтом многоженства. Писатель воспроизводит историческую действительность и специфику брачных отношений: Снаружи в юрту долетел визгливый голос байбише, старшей жены Адайбека. – Что родной отец твой приехал? – Голос старухи слышался уже за порогом. – Почему закладываешь сразу двух овец?! В ответ раздался несмелый, оправдывающийся голос токал – младшей жены ... (Санбаев. Дорога только одна: 318); Байбише внесла на подносе дымящуюся грудку свежего бараньего мяса, и гости не спеша принялись за еду (Санбаев. Дорога

только одна: 334). Писатель употребляет казахизмы байбише, токал и их русские аналоги старшая жена, младшая жена. Внутритекстовая парадигма, объединяющая казахские и русские номинации, способствует интерпретации национально специфических смыслов. Особенности гендерной ситуации образно воспроизводятся с помощью русских оценочных эпитетов визгливый (голос) – несмелый, оправдывающийся (голос), помогающих осознать специфику семейных отношений в казахском обществе: на стороне старшей жены больше прав. Речевые практики толерантности (парадигматические и линейные) дополняют друг друга. В других случаях автор использует только казахизм или только русский функциональный аналог: Из большого аула донеслись громкие, тоскливые причитания байбише Адайбека, плач женщин. Вскоре два батрака запрягли лошадей, и подводы с бием Есенберди, муллой Хакимом и другими стариками – родичами покойных, с женщинами – выехали из аула (Санбаев. Дорога только одна: 369). Ср.: У юрты младшей жены Ботакана высокий юноша Сулан, сын Самиги, подбежал, взял под уздцы гнедого скакуна. Полный, маленького роста, широколицый Даулет неожиданно легко соскочил с коня и, быстро поправив халат, засеменял к юрте (Санбаев. И вечный бой: 16).

Гендерные концепты погружаются в универсальную оппозицию богатые – бедные. Богатый имеет право выбора взять себе в жены молодую жену без ее согласия. Судьбу девушки решают родители, для которых важно желание бая: Пятнадцатилетняя Калима, ставшая месяц назад третьей женой Адайбека, была из бедной семьи и держалась робко (Санбаев. Дорога только одна: 290). Косвенная оценка ситуации раннего замужества передается при помощи словосочетания пятнадцатилетняя Калима. К подобным ситуациям и казахский, и русский читатель относится с сочувствием, ибо в обеих культурах любовь осознается как высшая ценность.

В романной прозе воссоздается и образ женщины-матери. А. Сейдимбек пишет: «При кочевом образе жизни женщина-мать никогда не была оторвана от трудового процесса, ответственность за семью, за сохранность и благополучие рода, за судьбу народа у женщин была не меньше, чем у мужчин» [3: 514]. Обратимся к материалу: - Она... Зауреш была ласковой, доброй, но молчаливой... Я не помню, чтобы она на что-то жаловалась. Я всегда видел ее возле очага готовящей еду, стирающей белье или работающей в поле (Алимжанов. Дорога людей: 353). Оценочные эпитеты ласковая, добрая, молчаливая поддерживают стереотипный образ матери. Такие общечеловеческие качества, как доброта, отзывчивость, трудолюбие, забота о ближнем близки и понятны как русскому читателю, так и казахскому. В особой ситуации сильная, смелая, решительная женщина-мать может быть моральной опорой не только для семьи, но и для всего аула: Четверо туленгутов навалились на нее, скрутили руки и вывели на улицу. – Да есть ли аллах на небе?! И есть ли глаза у этого аллаха? Почему не видит он? – стонала Алка. – Успокойся, дочка, - донесся голос Алдияра из толпы. – Ты была единственным мужчиной в нашем ауле. Ее волосы были распущены. Голова обнажена. Так матери обнажают головы, когда приходит

беда...(Алимжанов. Стрела Махамбета: 481). Контекст показывает, что в экстремальных ситуациях оппозиция мужское – женское сглаживается. Мужество, стойкость и возможность противостоять сближают женский и мужской характер. Речевые практики толерантности направлены на актуализацию ритуализированного поведения, включающего невербальные символы: в обычной ситуации замужняя женщина носила платок. В русской крестьянской культуре, как и в культуре казахской, для замужней женщины характерны убранные под косынку волосы. Это внешний признак, сближающий взгляд обоих народов на замужнюю женщину, ср. русское культурно-специфическое слово простоволосая («о женщине: с непокрытой головой, без платка»).

В тексте присутствует образ женщины-мстителя. Одна из героинь смысл жизни видит только в том, чтобы воспитать сына, который отомстит убийце своего отца: Карлыгаш жила, торопя день отмщения (Санбаев. Другая жизнь: 129); Карлыгаш давно лелеяла в груди отмщение и с нетерпением ждала того дня, когда ее повзрослевший сын в полном воинском вооружении поскачет в Алматау, чтобы сразиться с убийцей своего отца (Санбаев. Другая жизнь:129). Образ женщины-мстителя разрабатывается на фоне слов поля интолерантности: мщение, убийца, отмщение, с нетерпением.

Специфика кочевого образа жизни позволяла женщине степи оставаться достаточно свободной, открытой. В переломные моменты истории женщина наравне с мужчиной могла идти в бой с врагом, вступить за честь и достоинство ближнего, наказать виновника. А.Сейдимбек пишет: «Под гнетом мусульманского мировосприятия и религии среди народов, принявших ислам, только казахский народ в числе немногих предоставлял женщинам свободу, позволив не закрывать лица паранджой, быть равноправными членами общества. Это яркое свидетельство национального характера казахского народа, его отношение к женщине» [3].

Список использованной литературы

- 1.Рябов О.В. Межкультурная интолерантность: гендерный аспект // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллект. моногр. - Екатеринбург, 2004. - С. 165 – 183.
- 2.Шабурова О. «А ну-ка, девушки. А ну, красавицы!» //Русская женщина – 3. От кухарки до музы. Материалы теорет. семинара. Екатеринбург, 2000 г. – С.141-147.
- 3.Сейдимбек А. Мир казахов. Алматы, 2001. – 534 с.
4. Karakat M. Nagymzhanova, Raikhan O. Tuksaitova, Nazilya M. Irgebaeva, Zina Sh. Koldasbaeva and Aisulu D. Kanapianova / The formation of tolerance among various ethnic groups as a way to increase well-being. Rivista di Studi sulla Sostenibilita .2020 (1), с.353-363.

Научный руководитель: профессор Туксаитова Р.О.